

© **Е.В. КУПЧИК***elwika@list.ru*

УДК: 821.161.1'373.612.2

МЕТАФОРА ПАМЯТИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются метафоры, характеризующие феномен памяти, на материале русских поэтических текстов.

SUMMARY. The article considers the metaphors, characterizing the phenomenon of memory in Russian poetical texts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Метафора, метафорическая модель, поэтический текст.

KEY WORDS. Metaphor, metaphoric model, poetical text.

Для современной лингвистики является актуальным представление о метафорических моделях, посредством которых получает образное воплощение та или иная денотативная сфера. Описание одного фрагмента мира через призму другого (в чем, собственно, и заключается предназначение метафоры) представляется весьма значимым в плане исследования картины мира, образованной системой концептов. Структура концепта, представляющего собой многослойное образование, включает понятийное ядро, вокруг которого группируются не разделенные четкими границами составляющие. Представители лингвокультурологического направления говорят о единстве понятийного, образного и ценностного компонентов [1; 109]. Если понятийная составляющая концепта отражает его признаковую и дефиниционную структуры, то образная фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании [2; 17]. Метафора представляет собой «единственный способ воплотить в чувственном образе бестелесную и труднопостижимую абстракцию [2; 89]. Именно метафорические модели «выражают ассоциативные приоритеты русскоговорящих» [3; 121].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, без обращения к понятию памяти невозможно объяснить содержание таких центральных философских понятий, как сознание, знание, мозг, информация и др. [4; 90]. «Мир и человек сливаются воедино в акте восприятия, а память закрепляет их неразрывную связь: *было, ибо я помню*. Через единство опыта человека память обеспечивает единство существования мира» [5; 83].

Память, являющаяся традиционным объектом поэтических размышлений, выступает субъектом сопоставления в ряде метафорических моделей (далее ММ), представление о содержании которых дают словари языка русской поэзии [6], [7]. Классификация метафор памяти по вспомогательному субъекту — «в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в их основе» [8; 113] свидетельствует о разнообразии типов метафор: антропоморфная, зооморфная, пространственная и др.

Значительную часть метафорического пространства памяти занимают реализации ММ «память — существо», причем главное по значимости и частотности место принадлежит антропоморфной метафоре. Субъектами сопоставления являются люди, разные по полу, возрасту, роду занятий. В рамках данной модели память выступает зачастую в женской ипостаси, например: «Дева память, спи, свидетель мой» (Поплавский); «И в самый полдень торжества, / На праздник возрожденья / Она приходит, как вдова / Бойца, что пал в сраженье, / Как мать, что сына день за днем / Ждала с войны напрасно (Твардовский). В то же время род деятельности памяти оказывается либо типично мужским, либо не относимым к тому или иному полу. Деятельность памяти-человека связана обычно с чем-либо ценным — его обнаружением, присвоением, обладанием им: «И память, наконец, как хладный рудокоп, / Врываясь в глубину, средь тех развалин бродит, / Могилу шевелит, откапывает гроб / И мумию любви нетленную находит» (Бенедиктов); «И там, напрягая взор, / память бродит по комнатам в сумерках, точно вор, / шаря в шкафах, роняя на пол роман, / запуская руку себе в карман (Бродский); «Скряга-память! Вскрой свой терем!» (Мориц). По отношению к своему владельцу память способна проявить агрессию: «О минувшем забудь, лишь грядущим дыши, — / Память — сердца палач, злой мучитель души» (Ратгауз); «Но память о прошлом, как ратник незримый, / Взнесла над тобой угрожающий нож» (Гумилев). Очеловеченная память обладает даром речи, чертами антропоморфного облика: «О память! Ты одна беседуешь со мной... Твой голос сердцу внятен» (Баратынский); «Память ныне, / Смотря приветливым лицом, / Мне светит в зеркальной святыне / Своим волшебным фонарем» (Вяземский).

Уподобление памяти божеству или мифологическому существу отражает представление о принадлежности ее к иному — но связанному с человеческим — миру. В реализациях соответствующей модели раскрывается амбивалентная природа памяти. С одной стороны, это представитель светлого, небесного мира: «Воспоминания небесный, светлый гений / К нам ниспускается на крыльях сновидений» (Баратынский); «Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений, / О ты, певцу дубрав давно знакомый гений, / Воспоминание, рисуй передо мной / Волшебные места, где я живу душой» (Пушкин). С другой стороны, память оказывается inferнальным созданием: «Так память, демон-властелин, / Все будит старину» (Лермонтов). В памяти может объединяться злое и доброе, низкое и высокое: «Смотрю на память с двух сторон... То злобный дух, то друг волшебный, / Она нам в казнь или в любовь» (Вяземский). Память-призрак индифферентна по отношению к человеку, воспринимающему ее равнодушно или отрицательно — как «призрак бытия — / Ненужный, лживый и пустой» (Гиппиус). Однако то, что память «бродит, как привиденье, то здесь, то там» (Северянин), оказывается своеобразной апелляцией к душе человека.

Из зооморфных метафор наиболее частотны орнитологические, отражающие «птичью» природу памяти. В основе сопоставления лежит способность памяти к быстрому и дальнему перемещению, к своеобразной «речи»: «И если как-нибудь на миг удастся мне / Забыться — памятью к недавней старине / Лечу я вольной, вольной птицей» (Лермонтов); «О тебе я не могу решиться / Вспоминать, но ты мне разреши, / Чтобы память унеслась, как птица, / В теплые

края моей души» (Липкин); «Лишь порой летят воспоминанья / В дальний край, как гуси по весне» (П. Васильев); «А память — белокрылая голубка — / Воркует мне о невозвратных днях» (В. Бутягина). В образе памяти — хищной птицы отражено представление об агрессивности, беспощадности памяти по отношению к человеку; таков, например образ «проклятого коршуна памяти», рвущего когтями и клювом сердце и душу человека, в текстах Ап. Григорьева.

Традиционен в русской поэзии образ воспоминанья-змеи, живущей внутри человека: «Усни в груди, змея воспоминанья, / Не нарушай печальный мой покой!» (Надсон); «В груди моей шипит воспоминанье, / Как под ногой прижатая змея, / И ползает, как та среди развалин, / По жилам сердца» (Лермонтов); «Но есть в душе воспоминанье, Как змей лежащее на дне» (Брюсов). Обычным для памяти-змеи является причинение человеку боли: «Того змия воспоминаний, / Того раскаянье грызет» (Пушкин); «Как ты безжалостна, змея воспоминанья!» (Надсон); «О, как меня ты жалишь, змея воспоминанья!» (Северянин) и т. д. Что касается ММ память-животное, то соответствующие метафоры, насколько можно судить по приведенным в поэтических словарях контекстам, следует отнести к индивидуально-авторским («бык воспоминаний» Л. Мартынова, «мамонт памяти» А. Вознесенского, «память-конек» Н. Матвеевой и др.).

ММ «память-земное пространство» представлена реализациями нескольких частных ММ, отражающих представление о памяти как о пространственном объекте (поле, острове, кладбище, особенностях рельефа и т.д.), характеризующем то или иное свойство памяти. Это, например, автономность: «И память их жива поныне / Под бурей тягостных сомнений и страстей, / Как свежий островок безвредно среди морей / Цветет на влажной их пустыне» (Лермонтов); «Воспоминанья — Голландия. И никакой плотиной / Их не удержишь (Бродский) или способность скрывать в себе что-либо: «Покрытое землей чужих полей, / Пусть тихо спит оно, как дружба наша / В немом кладбище памяти моей» (Лермонтов) Уподобление памяти участку растительного пространства (полю, лесу, саду и др.) дает представление о плодородности памяти, причем плоды могут быть как полезными (зерно, фрукты), так и иными: «В памяти, как на меже, / Прежде доброго злака маячит плевел» (Бродский). Память-лес и память-сад обладают приметами мифологического, сказочного пространства — с соответствующими комплексами представлений: «Спи в сказке для детей, в ячейке ночи, / Без имени в лесу воспоминаний» (Тарковский); «...золотистым шелком вышьем / Воспоминаний светлый сад» (Нарбут).

Образными соответствиями памяти являются такие фрагменты земного пространства, как строения, значимые главным образом в качестве вместилищ, хранилищ: «Что память!.. Кладовая. Подземелье. / Жизнь как попало сброшена туда» (Антокольский); «В провалах памяти, в ее подвалах, / Среди ее сокровищ — палых, / растаявших и проч.» (Бродский); «В амбарах памяти мешки тяжелых дней, / туго набитые зернами воспоминаний» (Шершеневич). Проникновение внутрь такого строения обычно осознается как желанное, однако возможен и отказ от такого проникновения: «Скряга-память! Вскрой свой терем!» (Мориц); «Взломаю склеп памяти киркою / Новых сумасбродств» (Шершеневич); «Не часто я у памяти в гостях, / Да и она меня всегда морочит. / Когда спускаюсь

с фонарем в подвал, / Мне кажется — опять глухой обвал / Уже по узкой лестнице грохочет (Ахматова); Там строгая память, такая скупая теперь, / Свои терема мне открыла с глубоким поклоном; / Но я не вошла, а захлопнула страшную дверь» (Ахматова).

ММ «память — воздушное пространство» представлена небольшим количеством сопоставлений памяти с облаком, тучей, дымом, а также собственно небесным пространством. Такие метафоры несут характеристику памяти как чего-то невесомого, непостоянного, преходящего: «Сквозь легкий дым земных воспоминаний (Брюсов); «Поэта память пронеслась, как дым по небу голубому» (Пушкин); «И память обо мне, как тучка, / По небу твоему мелькнет» (Вяземский); «Память о вас — легким дымком, / Синим дымком за моим окном» (Цветаева). «Воздушные» метафоры передают и такое свойство памяти, как неотчетливость расфокусированность: «В полуослепшем зоре / Воспоминаний дым» (Белый); «В туманах памяти отсель / Поет знакомый ритуфель» (Волошин).

Водные метафоры фиксируют такие свойства памяти, как текучесть (водный поток) и глубина (озеро, море): «И событье за событьем / Льется памяти струя» (Вяземский); «Памяти разорвав струю, / Ты глядишь кругом...» (Хармс); «О, память женская — текучая вода...» (Павлович); «В озерах памяти моей / Опять гудит подводный Китеж» (Волошин). Память устойчиво ассоциируется с волной, сочетающей в себе одновременно подвижность и относительную статичность. Память-вода оказывается то локализованной в душе человека, то находящейся вне его — но в пространственном соположении: «В душе моей воспоминаний волны / Потоком свежим блещут и бегут» (Вяземский); «В тумане по сплошным волнам воспоминаний / Наш клуб, как пароход, плывет в тиши ночей» (Матвеева).

В русских поэтических текстах частотна «фототермическая» (термин С.Г. Воркачева) метафора памяти. Ассоциация памяти со светом и огнем базируется на представлении о сходном характере бытования, «жизни» основного и вспомогательного субъектов сопоставления, на особенностях проявления тех или иных свойств. В таких метафорах детализированы источники, а также характер светового излучения. Память сопоставляется с естественными (светила, явления природы) и искусственными источниками света, различная природа которых передает специфику памяти/воспоминаний, проявленную в той или иной ситуации. Это, например, способность быстро возникать и гаснуть, гореть ровным долгим или импульсивным светом, иметь разные степени яркости: «Воспоминанье, острый луч, / Преобрази мое изгнанье» (Набоков); «И хоть память моя оплыла, как свеча, / Я запомнил, что ходики в виде сыча / Над столом моим в детстве висели» (Цветков); «Воспоминанья — вечные лампы» (Случевский); «Но, пробужденному, ему / Являлось утром иногда / Воспоминанье, как тьму / Вдруг пронизавшая звезда» (Иванов Г.). Огонь — проявление жизни, источник тепла: «Ведь хорошо, когда вдруг шевельнется огонь / На потухшем костре позабытого» (Кусиков); «Тяжела ты, любовная память! / Мне в дыму твоём петь и гореть, / А другим — это только пламя, / Чтобы душу остывшую греть» (Ахматова).

Значительно реже, чем в свете, память проявляет себя в звуковых образах: это музыка (и музыкальный инструмент), шум, звуки живых существ, речь:

«Лишь музыкой, невнятною для слуха, / Воспоминания рокочут глухо» (Иванов Г.); «Да, о таких рассказывают нам / шарманки выцветших воспоминаний» (Набоков); «Еще во мне воспоминания, / Как в церкви девочки, поют» (Евтушенко); «Луг воспоминаний / Глухо шелестит» (Л. Мартынов); «Так память горя велика ... / Она не стихнет, пока / Не выскажется вволю» (Твардовский). Звуковые образы, опосредованно передающие характер памяти, как правило, носят оценочный характер.

В русском языковом сознании память концептуализируется как вместилище. При всем различии вида и формы вместилищ (ящик, гербарий, карман, футляр и т.д.) их содержимое оказывается нужным и важным для человека, стремящегося его сберечь (о чем свидетельствуют, например, образы памяти-копилки у Шершеневича или куля скопидома у А. Белого). Содержание такой памяти может быть весьма неожиданным, но в любом случае значимым для человека — коль скоро оно извлекается: «И в памяти черной пошарив, найдешь / До самого локтя перчатки» (Ахматова); «И в пепельнице памяти рыться / И оттуда окурки таскать!» (Шершеневич). Содержание «черного ящика памяти», который «захрипел, разразился непотребной бранью, заплевался» (Вознесенский) также представляет собой ценность — как хранилище информации, вызывающей у ее носителя сильные эмоции.

Предметность, вещественность памяти проявляет себя и в таких ММ, как «память-орудие», «память-ткань», «память-напиток», «память-информация» и др. Память-орудие (режущее, колющее или иное) причиняет человеку боль: «Воспоминания! Как острый нож оне» (Грибоедов); «Память сердца беспощадная, уйди, / В грудь пронзенную не стучай стрел острее!» (Кузмин); «И ты, ровесник страшного столетья, / Ты, человек сороковых годов, / Исполосован памятью, как плетью...» (Антокольский). Если память-орудие выступает по отношению к человеку внешней воздействующей силой, то память-ткань/пряжа сама оказывается объектом манипуляций: «Неизгладимыми строками / я вышил исповедь мою, / легко роняя над шелками / воспоминаний кисею» (Эллис); «Но не затем той памяти кровавой / Я нынче вновь разматываю нить» Твардовский); «Мечтою бережно разматываю / Воспоминания клубок» (Г. Иванов). ММ «память-напиток» представлена главным образом частной ММ «память-вино». В основе уподобления лежат такие признаки, как способность опьянять, доставлять удовольствие (или противоположное ощущение), а также связь «качества» со временем существования, например: «Вино прозрачной памяти о вас / Крепче и душистей...» (Ройзман); «И опять в истоме / Пью воспоминанья, как вино» (Д. Андреев); «Есть избранники древней памяти, / Отстоявшейся, как вино» (Д. Андреев); «А я воспоминаний / Пью горькое вино» (Липкин). ММ «память-информация» реализована сопоставлениями с текстами, запечатленными на каком-либо материале: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток» (Пушкин); «Жестокой памяти страницей...» (Твардовский); «Есть строки памяти — не истребить, не сжечь их» (Д. Андреев).

На основании вышеназванных и иных (оставшихся за рамками данной статьи) ММ можно выделить ряд отмеченных в поэтических текстах характеристик памяти — начиная с наиболее очевидных: память — нечто активно действующее (человек: рудокоп, пахарь, живописец и др.); память — нечто

причиняющее вред человеку (коршун, змея, болезнь, яд и др.); память — нечто замкнутое (вместилище, строение); память — нечто подвижное (птица, туча, вода, ветер и др.); память — нечто привлекательное (свет, музыка, вино); память — нечто светлое (свет, огонь, небо); память — нечто звучащее (музыка, шум, речь); память — нечто тяжелое (камень, молот, горб); память — нечто легкое (дым, облако); память — нечто протяженное (цепь, нить); память — нечто ценное (жемчуг, содержимое копилки и т.д.); память — нечто божественное, волшебное (гений, демон, чародей); память — нечто связанное со смертью (гробница, склеп, кладбище).

В заключение отметим, что ММ отражают представления о памяти как о чем-то положительном — и отрицательном, причем негативные характеристики отличаются большим количеством и разнообразием, чем позитивные: память характеризуется как злая, злобная, безжалостная, яростная, хищная, беспощадная и т.д.

Таким образом, в русских поэтических текстах образ памяти предстает многоаспектным, обладающим рядом характеристик; противоречивость некоторых из них, как и различия в оценке памяти, обусловлены сложностью данного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
2. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
3. Лагута О.Н. Метафорическое мировидение русскоговорящих (ассоциативно-когнитивный подход) // Мир человека и мир языка: колл. монография. Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика». 373 с.
4. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.; Наука, 1991. С.85-91.
5. Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.78-85.
6. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2-х томах. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 848 с.
7. Иванова Н.Н. Словарь языка русской поэзии. Образный арсенал русской лирики конца века. М.: Астрель, 2004. 666 с.
8. Москвин В.И. Русская метафора. Очерк семиотической теории. Изд-е 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 184 с.